

«Если я заболею» (Коренблит – Смеляков)

1. Моя сестричка	– 1.06
2. Майский вечер	– 2.33
3. Ощущение счастья	– 3.14
4. Крымские краски	– 2.00
5. Там, где звёзды	– 2.10
6. Зимняя ночь	– 1.53
7. Беспощадное время	– 2.20
8. Вымыслы	– 2.33
9. Я вспоминаю...	– 3.25
10. Старая квартира	– 3.01
11. Элегия	– 2.27
12. Опять начинается сказка	– 1.45
13. Ноябрьский холодок	– 2.15
14. Вот женщина	– 1.44
15. Трясогузка	– 1.21
16. Пропуск в бессмертие	– 2.50
17. История	– 1.15
18. Кузнец	– 2.39
19. Если я заболею	– 2.39
20. Попытка завещания	– 1.29

Общее время звучания - 44.39

СОДЕРЖАНИЕ

1. МОЯ СЕСТРИЧКА

У моей двоюродной сестрички
твёрдый шаг и мягкие косички.

Аккуратно платьице пошито.
Белым мылом лапушки помыты.

Под бровями в солнечном покое
тихо светит небо голубое.

Нет на нем ни облачка, ни тучки.
Детский голос. Маленькие ручки.

2. МАЙСКИЙ ВЕЧЕР

Солнечный свет. Перекличка птичья.
Черемуха - вот она, невдалеке.
Сирень у дороги. Сирень в петличке.
Ветки сирени в твоей руке.

Чего ж, сероглазая, ты смеешься?
Неужто опять над любовью моей?
То глянешь украдкой. То отвернешься,
То щуришься из-под широких бровей.

И кажется: вот еще два мгновенья,
и я в этой нежности растворюсь, -
стану закатом или сиренью,

а может, и в облако превращусь.

Но только, наверное, будет скушно
не строить, не радоваться, не любить –
расти на поляне иль равнодушно,
меняя свои очертания, плыть.

Не лучше ль под нашими небесами
жить и работать для счастья людей,
строить дворцы, управлять облаками,
стать командиром грозы и дождей?

Не веселее ли, в самом деле,
взрастить возле северных городов
такие сады, чтобы птицы пели
на тонких ветвях про нашу любовь?

Чтоб люди, устав от железа и пыли,
с букетами, с венчиками в глазах,
как пьяные между кустов ходили
и спали на полевых цветах.

3. ОЩУЩЕНИЕ СЧАСТЬЯ

Верь мне, дорогая моя.
Я эти слова говорю с трудом,
но они пройдут по всем городам
и войдут, как странники, в каждый дом.

Я вырвался наконец из угла
и всем хочу рассказать про это:
ни звезд, ни гудков - за окном легла
майская ночь накануне рассвета.

Столько в ней силы и чистоты,
так бьют в лицо предрассветные стрелы –
будто мы вместе одни, будто ты
прямо в сердце мое посмотрела.

Отсюда, с высот пяти этажей,
с вершины любви, где сердце тонет,
весь мир - без крови, без рубежей –
мне виден, как на моей ладони.

Гор - не измерить и рек - не счесть,
и все в моей человеческой власти.
Наверное, это как раз и есть,
что называется - полное счастье.

Вот гляди: я поднялся, стал,
подошел к столу - и, как ни странно,
этот старенький письменный стол
заиграл звучнее органа.

Вот я руку сейчас подниму
(мне это не трудно - так, пустяки) –
и один за другим, по одному
на деревьях распустятся лепестки.

Только слово скажу одно,
и, заслышав его, издалека,
бесшумно, за звоном звено,
на землю опустятся облака.

И мы тогда с тобою вдвоем,
полны ощущенья чистейшего света,
за руки взявшись, меж них пройдем,
будто две странствующие кометы.

Двадцать семь лет неудач - пустяки,
если мир - в честь любви - украсили флаги,
и я, побледнев, пишу стихи
о тебе на листьях нотной бумаги.

4. КРЫМСКИЕ КРАСКИ

Красочна крымская красота,
В мире палитры богаче нету.
Такие встречаются здесь цвета,
что и названья не знаешь цвету.

Тихо скатясь с горы крутой,
день проплывет, освещая кущи:
красный, оранжевый, золотой,
синенький, синеватый, синющий.

У городских простояв крылец,
скроется вновь за грядую горной:
темнеющий, темный и под конец –
абсолютно черный.

Но, в окруженье тюльпанов да роз,
я не покрылся забвенья ряской:
светлую дымку твоих волос
Крым никакой не закрасит краской.

Ночью - во сне, а днем - наяву,
вдруг расшумевшись и вдруг затихая,
тебя вспоминаю, тебя зову,
тебе пишу, о тебе вздыхаю.

Средь таких круч я стал смелей,
я шире стал на таком просторе.
У ног моих цвета любви моей –
плещет, ревет, замирает море.

5. ТАМ, ГДЕ ЗВЁЗДЫ

Там, где звёзды светятся в тумане,

мерным шагом ходят марсиане.

На холмах монашеского цвету
ни травы и ни деревьев нету.

Серп не жнет, подкова не куется,
песня в тишине не раздается.

Нет у них ни счастья, ни тревоги,
все отвергли маленькие боги.

И глядят со скукой марсиане
на туман и звезды мирозданья.

*

Сколько раз, на эти глядя дали,
о величье мы с тобой мечтали.

Сколько раз стояли мы смиренно
перед грозным заревом вселенной...

6. ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Не надо роскошных нарядов,
в каких щеголять на балах, -
пусть зимний снежок Ленинграда
тебя одевает впотьмах.

Я радуюсь вовсе недаром
усталой улыбке твоей,
когда по ночным тротуарам
идем мы из поздних гостей.

И, падая с темного неба,
в тишайших державных ночах
кристальные звездочки снега
блестят у тебя на плечах.

Я ночью спокойней и строже,
и радостно мне потому,
что ты в этих блесках похожа
на русскую зиму-зиму.

Как будто по стежке-дорожке,
идем по проспекту домой.
Тебе бы еще бы сапожки
да белый платок пуховой.

Я, словно родную науку,
себе осторожно твержу,
что я твою белую руку
покорно и властно держу...

Когда открываются рынки,
у запертых на ночь дверей

с тебя я снимаю снежинки,
как Пушкин снимал соболей.

7. БЕСПОЩАДНОЕ ВРЕМЯ

Ты все молодисься. Все хочешь
забыть, что к закату идешь:
где надо смеяться - хохочешь,
где можно заплакать - поешь.

Ты все еще жаждешь обманом
себе и другим доказать,
что юности легким туманом
ничуть не устала дышать.

Найдешь ли свое избавленье,
уйдешь ли от боли своей
в давно надоевшем круженье,
в свечении праздных огней?

Ты мечешься, душу скрывая
и горькие мысли тая,
но я-то доподлинно знаю,
в чем кроется сущность твоя.

Но я-то отчетливо вижу,
что смысл недомолвок твоих
куда человечней и ближе
актерских повадок пустых.

Но я-то давно вдохновеньем
считать без упрека готов
морщинки твои - дуновенье
сошедших со сцены годов.

Пора уже маску позерства
на честную позу сменить.
Затем что довольно притворства
и правдою, трудной и черствой,
у нас полагается жить.

Глаза, устремленные жадно.
Часов механический бой.
То время шумит беспощадно
над бедной твоей головой.

8. ВЫМЫСЛЫ

Давным-давно, еще до появления,
я знал тебя, любил тебя и ждал.
Я выдумал тебя, мое стремленье,
моя печаль, мой верный идеал.

И ты пришла, слышав ожиданье,
узнав, что я заранее влюблен,

как детские идут воспоминанья
из глубины покинутых времен.

Уверясь в том, что это образ мой,
что создан он мучительной тоскою,
я любовался вовсе не тобою,
а вымысла бездушною игрой.

Благодарю за смелое ученье,
за весь твой смысл, за все – за то, что ты
была не только рабским воплощеньем,
не только точной копией мечты:

исполнена таких духовных сил,
так далека от всякого притворства,
как наглый блеск созвездий бутафорских
далек от жизни истинных светил;

настолько чистой и такой сердечной,
что я теперь стою перед тобой,
навек покоренный человечной,
стремительной и нежной красотой.

Пусть меня мечтатель не осудит:
я радуюсь сегодня за двоих
тому, что жизнь всегда была и будет
намного выше вымыслов моих.

9. Я ВСПОМИНАЮ...

Я вспоминаю в государстве льдов,
в далеком царстве вечной мерзлоты,
как вспоминают первую любовь,
родной земли весенние цветы.

Я вижу в тишине, издалека,
вечерние созвездья табака,
черемухи воздушное течение.
Я вижу город - улицы бегут,
и ветви счастья с ветками сирени
на перекрестках бабы продают.

А мы с тобой всегда цветы любили.
Еще весной, волнуясь и спеша,
подснежники под снегом находили
и ландыши сбирали, не дыша.

Мы шли и шли по перекатам белым,
среди колокольчиков, цветов степных,
и вся округа, все окрест звенело,
когда усталый ветерок, в несмелом
своем кружении, касался их.

А мы вдвоем, смешные человечки,

все шли и шли: блаженные, без слов,
по полю, розоватому от гречки
и красному от розовых цветов.

А мы все шли, сплетая васильки,
не зная жалоб, позабыв печали,
и круглые холодные венки
обветренные головы венчали.

Передо мною, как в старинной сказке,
коса речная и твоя коса,
анютины бестрепетные глазки
и женщины прозрачные глаза.

Широким взмахом лето устилало
тот путь, который вместе мы прошли.
И долго ты передо мной стояла,
облокотившись благостно, устало –
в пыльце цветочной, в земляной пыли.

10. СТАРАЯ КВАРТИРА

Как знакома мне старая эта квартира!
Полумрак коридора, как прежде, слепит,
как всегда, повторяя движение мира,
на пустом подоконнике глобус скрипит.

Та же сырость в углу. Так же тянет от окон.
Так же папа газету сейчас развернет.
И по радио голос певицы далекой
ту же русскую песню спокойно поет.

Только нету того, что единственно надо,
что, казалось, навеки связало двоих:
одного твоего утомленного взгляда,
невеселых, рассеянных реплик твоих.

Нету прежних заминок, неловкости прежней,
ощущенья, что сердце летит под откос,
нету только твоих нарочито небрежно
перехваченных ленточкой светлых волос.

Я не буду, как в прежние годы, метаться,
возле окон чужих до рассвета ходить;
мне бы только в берлоге своей отлежаться,
только имя твое навсегда позабыть.

Но и в полночь я жду твоего появления,
но и ночью, на острых своих каблуках,
ты бесшумно проходишь, мое сновиденье,
по колени в неведомых желтых цветах.

Мне туда бы податься из маленьких комнат,
где целителен воздух в просторах полей,

где никто мне о жизни твоей не напомнит
и ничто не напомнит о жизни твоей.

Я иду по осенней дороге, прохожий.
Дует ветер, глухую печаль шевеля.
И на памятный глобус до боли похожа
вся летящая в тучах родная земля.

11. ЭЛЕГИЯ

Вам не случилось ли влюбляться, -
мне просто грустно, если нет, -
когда вам было чуть не двадцать,
а ей почти что сорок лет?

А если уж такое было,
ты ни за что не позабыл,
как торопясь она любила
и ты без памяти любил.

Когда же мы переставали
искать у них ответный взгляд,
они нас молча отпускали
без возвращения назад.

И вот вчера, угрюмо, сухо,
войдя в какой-то малый зал,
я безнадежную старуху
среди юных женщин увидал.

И вдруг, хоть это в давнем стиле,
среди суеты и красоты
меня, как громом, оглушили
полузабытые черты.

И, к вам идя сквозь шум базарный,
как на угасшую зарю,
я наклоняюсь благодарно
и ничего не говорю,

лишь с наслаждением и мукой,
забыв печали и дела,
целую старческую руку,
что белой ручкою была.

12. ОПЯТЬ НАЧИНАЕТСЯ СКАЗКА

Свечение капель и пляска.
Открытое ночью окно.
Опять начинается сказка
на улице, возле кино.

Не та, что придумана где-то,
а та, что течет надо мной,
сопутствует мраку и свету,

в пыли существует земной.

Есть милая тайна обмана,
журчащее есть волшебство
в струе городского фонтана,
в цветных превращениях его.

Я, право, не знаю, откуда
свергаются тучи гудя,
когда совершается чудо
шумящего в листьях дождя.

Как чаша содружества брагой,
московская ночь до окна
наполнена темною влагой,
мерцанием капель полна.

Мне снова сегодня семнадцать.
По улицам детства бродя,
мне нравится петь и смеяться
под зыбкою кровлей дождя.

Я вновь осенен благодатью
и встречу сегодня впотьмах
принцессу в коротеньком платье,
с короной дождя в волосах.

13. НОЯБРЬСКИЙ ХОЛОДОК

Уже замерзают лужи.
Уже из бидонов молочниц
в кастрюли и кринки льется
хрустящее молоко.

Уже замерзают зори.
Уже на покатых крышах
лежит настоящий, нежный
ноябрьский холодок.

Ты спишь, моя дорогая.
И книжка про радиатор,
про смазку и про дороги
валяется на ковре.

Ты спишь, поджимая губы.
Какие большие ресницы!
Какое большое солнце
барахтается в окне!

Мне грустно, что я не помню,
как ты иногда смеешься,
что я никогда не слышал,
не видел, не знал тебя.

А может быть, мы встречались
в каком-нибудь переулке,
тряслись на одном трамвае,
сидели в одном кино.

И ты на меня смотрела
сиреневыми глазами.
И я тебя не заметил,
не вспомнил, не угадал.

14. ВОТ ЖЕНЩИНА

Вот женщина, которая, в то время
как я забыл про горести свои,
легко несет недюжинное бремя
моей печали и моей любви.

Играет ветер кофтой золотистой.
Но как она степенна и стройна,
какою целомудренной и чистой
мне кажется теперь моя жена!

Рукой небрежной волосы отбросив,
не опуская ясные глаза,
она идет по улице, как осень,
как летняя внезапная гроза.

Как стыдно мне, что, живший долго рядом,
в сумятице своих негромких дел
я заспанным, нелюбопытным взглядом
еще тогда ее не разглядел!

Прости меня за жалкие упреки,
за вспышки безрассудного огня,
за эти непридуманные строки,
далекая красавица моя.

15. ТРЯСОГУЗКА

Это все-таки было
утром жизни моей –
ты ведь кофту носила,
пояс-хвостик на ней.

За прекрасную блузку,
веселясь и грозя,
все тебя трясогузкой
называли друзья.

Жизнь почти отшумела.
Серебрятся виски.
И от кофточки белой
вряд ли есть лоскутки.

Но со щедростью русской,

трепеща и вясь,
у меня трясогузка
под окном завелась.

Осняет прилежно
холостое жильё.
Благодарно и нежно
я встречаю ее.

16. ПРОПУСК В БЕССМЕРТИЕ

Шумел снежок над позднюю Москвой,
гудел народ, прощаясь на вокзале,
в тот час, когда в одежде боевой
мои друзья на север уезжали.

И было видно всем издалека,
как непривычно на плечах сидели
тулупчики, примятые слегка,
и длинные армейские шинели.

Но было видно каждому из нас
по сдержанным попыткам веселиться,
по лицам их - запомним эти лица! –
по глубине глядящих прямо глаз,

Да, было ясно всем стоящим тут,
что эти люди, выйдя из вагона,
неотвратимо, прямо, непреклонно
походкою истории пройдут.

Как хочется, как долго можно жить.
Как ветер жизни тянет и тревожит!
Как снег валится! Но никто не сможет,
ничто не сможет их остановить.

Ни тонкий свист смертельного снаряда,
ни злобный гул далеких батарей,
ни самая тяжелая преграда –
молчанье жен и слезы матерей.

Что ж делать, мать? У нас давно ведется,
что вдаль глядят любимые сыны,
когда сердце невидимо коснется
рука патриотической войны.

В расстегнутом тулупчике примятом
твой младший сын, упрямо стиснув рот,
с путевкой своего военкомата,
как с пропуском, в бессмертие идет.

17. ИСТОРИЯ

И современники и тени
в тиши беседуют со мной.

Острее стало ощущение
шагов Истории самой.

Она своею тьмой и светом
меня омыла и ожгла.
Все явственней ее приметы,
понятней мысли и дела.

Мне этой радости доньше
не выпадало отродясь.
И с каждым днем нерасторжимей
вся та преемственность и связь.

Как словно я мальчонка в шубке
и за тебя, родная Русь,
как бы за бабушкину юбку,
спеша и падая, держусь.

18. КУЗНЕЦ

На мыльной кобыле летит гонец:
«Король поручает тебе, кузнец,
сработать из тысячи тысяч колец
платье для королевы».

Над черной кузницей дождь идет.
Вереск цветет. Метель метет.
И днём, и ночью кузнец кует
платье для королевы.

За месяцем - месяц, за годом – год
горн все горит и все молот бьет,
но с лютою злобой кузнец кует
платье для королевы.

Он стал горбатым, а был прямым.
Он был златокудрым, а стал седым.
И очи весенние выел дым
платья для королевы.

Жена умерла, а его не зовут.
Чужие детей на кладбище несут.
- Так будь же ты проклят, мой вечный труд -
платье для королевы!

Когда-то я звезды любил считать,
я тридцать лет не ложился спать,
а мог бы за утро одно отковать
цепи для королевы.

19. ЕСЛИ Я ЗАБОЛЕЮ

Если я заболею, к врачам обращаться не стану.
Обращаюсь к друзьям (не сочтите, что это в бреду):
постелите мне степь, занавесьте мне окна туманом,

в изголовье поставьте ночную звезду.

Я ходил напролом. Я не слыл недотрогой.
Если ранят меня в справедливых боях,
забинтуйте мне голову горной дорогой
и укройте меня одеялом в осенних цветах.

Порошков или капель - не надо.
Пусть в стакане сияют лучи.
Жаркий ветер пустынь, серебро водопада –
вот чем стоит лечить.

От морей и от гор так и веет веками,
как посмотришь, почувствуешь: вечно живем.
Не облатками белыми путь мой усеян, а облаками.
Не больничным от вас ухажу коридором, а Млечным Путем.

20. ПОПЫТКА ЗАВЕЩАНИЯ

Когда умру, мои останки
с печалью, сдержанно, без слез,
похорони на полустанке
под сенью слабою берез.

Мне это так необходимо,
чтоб поздним вечером, тогда,
не останавливаясь, мимо
шли с ровным стуком поезда.

Ведь там лежать в земле глубокой
и одиноко, и темно.
Лети, светясь неподалеку,
вагона дальнего окно.

Пусть этот отблеск жизни милой,
пускай щемящий проблеск тот
пройдет, мерцая, над могилой
и где-то дальше пропадет...